

An artistic illustration of a woman in profile, facing left. She is wearing a vibrant red headscarf (hijab) that covers her hair and neck. Her face is fair with subtle makeup, including dark eye makeup and red lips. She has large, ornate gold earrings with blue gemstones and a matching gold necklace. Her right hand is raised towards her chest, adorned with a gold ring featuring a blue stone and several gold bangles. The background is a dark, gradient blue, with a soft light source from the top left creating a gentle glow on her face and the top of her headscarf.

**Эйлем,
печальная царица**

TINIFSAN

Тин-Ифсан

Эйлем, печальная царица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70616014

SelfPub; 2024

Аннотация

Эйлем, младшая дочь правителя Теджрита, следует за жадой сердца, за последней своей надеждой, но что она найдет: любовь, дружбу или власть?

Тин-Ифсан

Эйлем, печальная царица

У Ахтерана, правителя Теджрита, было много жен и наложниц. Он чтит Девять Матерей, и Мейшет благоволила ему: супружества его были плодоносными, и во дворце не смолкал детский гомон. Никто из отпрысков не подводил его, все были по-своему хороши: кто умом, кто силой и все – как на подбор – отличались особенной красотой, будто сама Амра сияла их своею благодатью.

Самая младшая из дочерей, рожденная не от наложницы, но от законной жены, славная Эйлем, была последним его ребенком. К ней относились не хуже, чем к ее сестрам и братьям, и она не уступала им ни умом, ни наружностью, ни талантами. И когда она выросла – расцвела: волосы ее ниспадали эбеновой волною, полные губы ее, темно-красные, как спелый плод граната, обещали сладостные поцелуи. Широкие черные брови изгибались, подобно луку с натянутой тетивой, и голубые глаза сияли, как сияет чуть высветленной лазурью небо в безжалостно-солнечный день. Крупные упругие груди и широкие бедра – все в ней говорило о том, что она способна родить прекрасных сыновей и быть усладой и отрадой любому достойному мужу.

Годы шли, но Эйлем так и не вышла замуж. Уже братья

привели жен, и снова женская половина дворца зазвенела детскими голосами, и сестры покинули отчий дом, войдя в семьи местных сановников и соседних правителей, а про Эйлем все словно забыли.

Не раз, прогуливаясь во внутреннем дворе, Эйлем опускалась на борт беломраморного фонтана и, слушая плеск прохладной воды, вопрошала богов: зачем они набросили на нее покрывало забвения? Чем она прогневила их?

И тогда она поднимала взгляд, чтобы увидеть тонкие, ярко освещенные солнцем силуэты колонн, изящную резьбу, бежавшую по аркам, и предавалась мечтам. Ее пылкое девичье сердце обволакивала жажда любви, грезы о прекрасных юношах, наивных, как сама Эйлем, и о благородных воинах, мудрых и сильных. Они дарили бы ее любовью и покровительством, в которых было так приятно укрыться, точно под тяжелым, богато расшитым плащом, темно-синим, затканым сполохами серебряных линий.

И все же мечты оставались мечтами, и ни она сама, ни ее богатое приданое никого не привлекали. Помнил ли кто-то за пределами дворцовых стен о ее существовании? Даже гадания, на которые она отваживалась накануне праздника Молчания и дней почитания теджритской покровительницы колдовства, не давали ей хоть сколько-то определенного ответа.

Со временем наивные девичьи мечты отяжелели и увяли, точно цветы, истратившие все свои силы, так что ни живи-

тельная влага, ни солнечный свет уже не смогли бы вдохнуть в них жизнь. И Эйлем постепенно оставила прежние занятия, обратившись к наукам и искусствам, которые скрашивали ее одиночество и словно иссушали подвядшее сердце, оберегая его от тления и чада.

Иногда, отдыхая в жаркие часы в сени сабаля и душно цветущих деревьев, Эйлем наблюдала за ручными газелями, наклоняющими милые мордочки к прозрачной воде мраморных бассейнов, и вспоминала свои ранние годы, когда она была так же обворожительна и беззаботна.

Черты ее чуть потяжелели и заострились, ясный взгляд померк, и на дне ее прекрасных глаз притаилась горечь глубокого разочарования.

В соседнем царстве тем временем – из-за гнева Девяти или по опрометчивости правящих – настали смутные времена. Прежний правитель скончался, и на престол взошел его старший сын, вскоре павший от рук заговорщиков. Тогда из Карара должен был вернуться второй законный наследник, последний отпрыск старого рода, в детстве отданный на воспитание карарскому правителю.

Кахит не снискал большой любви в семье своего покровителя и вернулся в родные земли, имея лишь горстку соратников да небольшой отряд верных воинов. Власть вот-вот могла ускользнуть от него, а он сам – пасть от рук врагов

так же бесславно, как и его старший брат, оставив Энгерек на растерзание алчным сановникам и многочисленной родне, только и ждавшей, когда представится шанс оказаться на вершине и утвердить собственную династию.

После недолгих и тщетных попыток рассеять смуту, Кахит обратился к давнему союзнику своей страны, к правителю Теджрита. В парадном доспехе, окруженный последними верными воинами, предстал он перед Ахтераном и просил о помощи. Эйлем, волею случая оказавшаяся в соседнем зале, выглянула из-за тяжелых занавесей, скрывавших вход, и долго слушала, как ее отец говорил с Кахитом. Рассмотреть его она не сумела: видела лишь, как плясали солнечные блики на его нагруднике и наручах, слышала звучный голос, в котором, как ей казалось, чувствовалась решимость и смелость.

Когда она думала о нем вечером того же дня, что-то трепетало и болело у нее в груди, точно жаждущая свободы и песни птица. Эйлем взглянула на свое отражение в бронзовом зеркале, теплом, как солнце, растворенное в утреннем мареве, и ей показалось, что глаза ее теперь заблестели, как прежде, и само лицо будто бы озарено светом, исходящим из глубин ее души.

Переборков нахлынувшую робость, Эйлем отправилась к отцу и попросила выдать ее замуж за Кахита. Ахтеран удивился просьбе дочери и усомнился, что ее устами говорит сердце или разум, а не страх одиночества. Целую ночь об-

думывал он услышанное. Видя энгерекскую смуту, он сам с некоторых пор надеялся поучаствовать в ней по-своему: не миром и не помощью, но дожидаться падения старого союзника, ослабевшего и беззащитного, а позже завладеть его землей и богатствами.

Утром все было решено: Ахтеран позволил Эйлем выйти замуж за Кахита – но лишь при условии, что Энгерек заключит новый союз с Теджритом.

Эйлем знала, что Кахиту был нужен этот союз и едва ли он мог добиться его более простым способом. Кроме жены ему обещали золото и несколько отрядов, что позволило бы восстановить мир в стране и утвердить свою власть. Кахит не смог отказаться от щедрого предложения.

Радость и предвкушение горели в сердце Эйлем так жарко, что она не находила себе места. Изучавшая мир по книгам и картам, а людей – по своим придворным и слугам, она гадала, какой будет жизнь вне дома. Понравится ли ей Энгерек, ласков ли с нею будет Кахит и каково будет их счастье. Эти мысли окружали ее дурманящим облаком, и приготовления к свадьбе прошли как в тумане, сквозь который изредка пробивались золотые всполохи украшений и узоры дорогих тканей.

Эйлем понимала, что ей нужно поспать, чтобы предстать перед женихом свежей и поддержать свою красоту, но сон не

шёл, и она просидела всю ночь у распахнутых ставень, наблюдая за чинным движением ночных светил. Стремительные предрассветные сумерки скоро отступили перед лучами поднимающегося из-за горизонта солнца. Над зеленью густых садов, поверх широких вееров пальм и густых зарослей акаций и мангровых деревьев висела влажная дымка, предвещавшая душный день.

Чья свадьба во дворце Ахтерана была скромнее свадьбы Эйлем? Смута, царившая в Энгереке, звала Кахита обратно, и он не мог оставаться так долго, как того требовал обычай.

Цветочные гирлянды и нежные лепестки, усеявшие мраморный пол, блеск шелка, оранжевая накидка жреца Амры, – все это прошло перед взором Эйлем вереницей ярких пятен. Она помнила густой аромат благовоний, гулкий бой таблы, вторивший ее сердцу, и протяжную песню саранги, в которой слились печаль расставания с прежней жизнью и томительное предвкушение новой.

Эйлем предстала перед Кахитом облаком разноцветного благоуханного шелка. Ее лицо было скрыто, и смотрела она сквозь сеточку, закрывавшую прорезь для глаз в ее бурке. Впервые оказалась она наедине со своим женихом, и трепет, охвативший Эйлем, жег ей щеки.

У царевича было лицо строптивца. Глубоко посаженные глаза под низкими бровями, большой рот, прямой нос, и

ноздри его казались раздутыми, точно он все время пребывал в гневе. Когда Эйлем наконец сняла покрывало, черты царевича исказились от недовольства. Он увидел, что его супруга, которая и так была на голову его выше, еще и старше него. Быть может, истинное чувство сгладило бы этот недостаток, но сердце Кахита больше походило на очаг, в котором жгли лишь ядовитые травы, так что и пепел его, и дым могли только отравлять: он неспособен был чувствовать что-то отличное от того, к чему привык, и все, к чему прикасался, старался подчинять собственному вкусу и воле, мало заботясь о чужом благе или страдании.

В их первую ночь Кахит обошелся с Эйлем ни грубо, ни ласково. Он взял свое запросто, заботясь лишь, чтобы жена не оскорбилась и не вернулась в отчий дворец, отобрав у Кахита и теджритское войско, и расположение союзника, и надежду вернуть власть.

Эйлем приняла его смиренно и, лежа в синеватом полумраке брачных покоев, отведенных им всего на пару ночей, осторожно смахивала слезы, стараясь не выдать своей печали. То, что билось и трепетало у нее в груди, что поило ее сердце жаром, дурманило голову, затаилось и затихло, уступив место странной, гулкой пустоте, в которой едва-едва нарождались острые ростки новой печали.

Через несколько дней Кахит уехал вместе с теджритскими отрядами, а сама Эйлем прибыла в Энгерек гораздо позже, когда смута, казалось бы, улеглась.

Медлительный, точно сытая змея, караван долго вез Эй-лем со свитой через густые леса, по дорогам медного, густого песка, мимо лазурных озер, неподвижных и молчаливых, через шумные города, где сквозь резные ставни за караваном наблюдало множество внимательных глаз...

Женская половина дворца Кахита походила на разоренное гнездо. Все в ней хранило следы минувших событий. Где-то на стенах не хватало украшений, тяжелые занавеси местами были порваны, многие залы пустовали, прислуга и евнухи были немногочисленны, а стражники словно бы совсем не волновались о безопасности вверенных им покоев.

Кто-то из женщин пребывал в трауре, о ком-то упоминали лишь мельком, со вздохом, жалуясь на судьбу. Чувствовалось, что за пределами гарема все еще неспокойно, а они оставались там, точно певчие птицы в клетках. Всеми забытые, они таились в пыли, за пышными занавесями, среди садов и фонтанов, песни их всем были теперь безразличны, и смутный страх терзал их души, как если бы вокруг все казалось зыбким, как дым.

Эйлем не боялась. Ее приняли дружелюбно, но эта гулкая пустота, отголоски минувших вихрей, тяготила и ее. В сердце своем она все еще надеялась завоевать любовь Кахита, но с каждым днем, проведенным среди его сестер и наложниц, ей начинало казаться, что прежние мечты – лишь мираж, ко-

торый остался в стенах отцовского дворца.

Кахит редко проводил с нею ночи, и ласки его чаще всего бывали бесчувственными, а иногда – грубыми. Но она молчала и терпела, и если им случалось все же проводить некоторое время вместе на исходе дня, она улыбалась и вела себя ласково, надеясь пробудить в нем если не любовь, то хотя бы какие-то добрые чувства.

Шло время. Детей у царственных супругов не было: царяцу называли теджритским пустоцветом, и только в гареме знали, что Кахит уже давно не заходит к законной жене. У него было достаточно наложниц, некоторые из которых уже подарили ему сыновей и дочерей.

Казалось, про Эйлем в царском дворце забыли так же, как когда-то забыли во дворце её отца. И её печаль была так похожа на горестную песнь саранги.

Из всех дворцовых девушек Эйлем сдружилась лишь с одной, Зеррен, сестрой своего царственного мужа. У нее были пышные черные кудри, круглое лицо и огромные золотистые глаза. Невысокая и хрупкая, она напоминала Эйлем едва оперившегося птенца, еще ищущего чужой заботы и ласки.

Другие наложницы лишь посмеивались над ними. Одна

даже рассказала Эйлем, что, вернувшись из Карара, Кахит не узнал сестру, но принял не то за служанку, не то за наложницу и только случай не позволил ему совершить грех.

Потом еще много таких разговоров доходило до царицы, но она не обращала на них внимания, пока однажды не узнала сама, что ее супруг не оставил своих порочных помыслов и, презрев кровные узы, добивался благосклонности собственной сестры.

Он грозно нависал над ней и хватал ее за руки, и умолял, и предлагал пустые бессмысленные подарки; Зеррен сопротивлялась. Эйлем видела это, стоя у затканной золотом занавеси и уронила тяжелый браслет, прежде чем войти.

Кахит метнулся из комнаты прочь, едва не зацепив Эйлем плечом. А нежная, хрупкая Зеррен потом долго сидела, склонив голову на плечо подруги, и крупные слезы катились из ее глаз. Эйлем гладила черные кудри Зеррен, похожие на клубок извивающихся змей, и глаза ее были сухи.

Из Карара, где Кахит провел большую часть жизни, он вернулся зараженный пороком куда более страшным, чем страсть к собственной сестре: он отпал от Девяти Матерей, чей культ царил и в Теджрите, и в Энгереке. Он стал поклоняться Анегмару-охотнику, но поначалу скрывал это, чтобы не отвратить прежних союзников.

Упрямый и гневливый от природы, он вскоре начал тяго-

титься и своей тайной, и бременем обретенной власти, а интриги и постоянная боязнь покушений, вылившаяся в подозрительность ко всем его придворным, ничуть не смягчали его нрава. Он плохо спал, нередко злоупотреблял вином и часто казнил неугодных, чем вызывал гнев их родни и недовольство народа.

Мало кто его любил, но он сам этого не замечал и ничьей любви не искал. Кахит довольствовался чужим уважением и страхом, которые, как ему казалось, причитались ему по праву рождения.

Эйлем смиренно наблюдала, как ее муж постепенно отдалял от себя придворных и сановников, поклонявшихся Девяти, приближая к себе почитателей Анегмара, и смутная тревога постепенно охватывала ее сердце.

Она мало знала об этой вере: в Теджрите ее приверженцев было не найти, да и в Энгереке их было гораздо меньше, чем тех, кто открыл свои сердца и души Девяти Матерям. Их власть над известным миром казалась нерушимой, и не стоило искать культа более справедливого и милосердного.

Увлекаемая смутным интересом, Эйлем стала расспрашивать жрецов об Анегмаре. Те поведали ей о том, что в начале мира было два солнца, одно из которых погасло и обратилось в прах. Второе же пылало ярче любого светила, и раскаленный огонь капал с него на безжизненные земли. Падая в пыль, его огонь облекался в плоть, и так появились первые из людей. Сильнейшим среди них был колесничий и охотник

Анегмар. Он убил древнее чудовище, и из его плоти, костей и крови появились моря и реки, плодородные земли, птицы, рыбы и многие звери.

Анегмар пылал неугасимой страстью к Эрей, неуловимой гостье, которой его любовь была чужда. Но с такой силой, с какой Эрей отвергала Анегмара, его любила чародейка Леккеж. Однажды она приняла облик неуловимой возлюбленной и провела с Анегмаром ночь. Узнав об обмане, он прогнал Леккеж и снова устремился за Эрей, но она ускользала и оставалась холодна, как бьющий из недр земли ключ.

И тогда Леккеж снова пришла к нему и сказала, что расскажет, как завоевать Эрей, если Анегмар сперва возляжет с нею самой. Он согласился, и колдунья поведала ему о том, что он должен подняться в горы, ни одной живой твари не погубив, ни одного дерева не сломав, ни одного плода не сорвав, и испить воды из озера Мельд. Там на берегу его будет ждать неуловимая Эрей, и если он сделает все в точности, то она ему не откажет.

Анегмар отправился в путь, но он не мог утолить голод, не сорвав плода, не мог восполнить свои силы, не вкусив плоти убитого зверя, не мог согреться ночью, не обломав ветвей для костра. И когда он достиг горного озера, где ждала его Эрей, она увидела, что он не исполнил ее воли, и, оскорбленная, удалась в недостижимый лунный чертог, оставив Анегмара с обожженным неутоленной страстью сердцем. Вернувшись, Анегмар наказал Леккеж и больше не искал ни-

чьей благосклонности.

Опечаленная возвращалась Эйлем в свои покои, когда дворцовый раб передал ей послание из дома. Ее стареющий отец знал о несчастьях дочери, об отступничестве Кахита, о том, что творилось в Энгереке, и о сотне важных мелочей, о которых ему докладывали его лазутчики. Он писал ей, что те воины, которые прибыли в царство когда-то для помощи Кахиту, все еще верны Теджриту и с радостью встанут на ее сторону. Он предлагал дочери свободу и власть, понимая, что, если Кахит и его сподвижники, почитающие Анегмара, окажутся сильнее, Эйлем наверняка погибнет.

Слова отца не встревожили ее. Она уже давно спала и не видела снов, она ела, и еда не имела для нее вкуса. Она больше не чувствовала благодати в обителях Девяти: Милостивые Мейшет, Амра и Вириде, некогда дарившие ее надеждой, отвернулись от Эйлем, и только воинственная Вурушма и справедливая Илму питали ее ум, пока истерзанное печалью сердце билось ровно и медленно, будто принадлежало вовсе не ей.

Она снова стала искать утешения в науках и искусствах.

Править открыто она не могла: Кахит не позволил бы ей этого. Но она наблюдала, беседовала с избранными сановниками, принимала ученых мужей и лишь изредка осмеливалась донести свои мысли до мужа. Чаще всего она прятала

их в речах верных ей людей и царских советников, которые были к ней благосклонны и разделяли её взгляды. Иногда он прислушивался к ним, но чаще всего поступал по-своему, и ясно было, что союз с Теджритом для него уже не так ценен, и покровительство Девяти он променял на сомнительную благосклонность Анегмара.

Иногда Эйлем думала о нежной Зеррен, и ей становилось жаль ее. Кахит не позволил выдать ее замуж или отправить в другой город. Бежать Зеррен не хотела, потому что боялась гнева брата. Эйлем не следила за нею и не знала, добился ли Кахит своего.

Она сама не испытывала к нему ни любви, ни отвращения. В ней жила холодная ярость, но она была послушна разуму Эйлем. Ни словом, ни поступком не выказала она эту ярость Кахиту. Она оставалась молчаливой и спокойной, все так же проводила время то в садах, то с другими девушками гарема; как прежде вела долгие беседы со жрецами Девяти, но нити заговора уже плотно оплели дворец.

Вместе с Кахитом она посещала казни и празднества, сопровождала его во время больших охот, и видела, как он вместе со своими новыми приближенными приносит жертвы Анегмару и каким недобрым огнем горят глаза послов Карара, жаждущих союза с Энгереком.

Однажды во время одной из таких охот, больше напоминавшей безумное, выплеснувшееся за пределы дворца празднество, когда пути всадников усеивали убитые ими

птицы, а охотничьи леопарды задирали одного оленя за другим, привлеченный кровью или смущенный шумом им навстречу вышел тигр. Эйлем затрепетала при виде лесного царя, первозданно могучего, гибкого, сильного.

Охотники зашумели, предвкушая дорогую добычу, достойную Кахита. Они натягивали тетивы своих луков, вскидывали копья, подначивали испуганных коней. Одного всадника тигр убил, еще несколько не совладали с лошадьми. Казалось, Анегмар не благоволит своим подопечным, и сам лес гонит их прочь. Но охотников было больше. Стрелы их налетали безжалостным роем, копья и мечи сверкали, готовые разить, рубить и колоть.

Хищник отступил. Шумные охотники окружили его. Они разили, рубили и кололи. Тигр протяжно заревел и упал на землю. К нему, смелый и торжествующий, статью похожий на Анегмара, подошел Кахит: ему принадлежало право нанести последний удар. Он скалился, слушая, как хрипит перед смертью могучий зверь с сияющей шкурой. И когда, пронзенный царским копьем, тигр затих, Кахит поднял глаза и встретился взглядом с Эйлем: тонкая печальная улыбка играла на ее губах.

В сердце Эйлем не нашлось сочувствия ни Кахиту, ни Анегмару-охотнику. Она не любила кровопролития, не была жадной до богатства и власти. Только о любви некогда меч-

тала она, но и эти мечты ей пришлось оставить. И пусть она оставалась верна культу Девяти Матерей, временами Эйлем заходила в одно из святилищ Анегмара.

Там у каменных стен, украшенных барельефами, на которых изображены были все деяния этого героя, за самой дальней из колонн стояла статуя Леккеж. Одной холодной каменной рукой она придерживала покрывало, которое словно норовило соскользнуть с ее волос, а другую она приложила к сердцу. Неподвижное лицо ее было искажено страданием, и в лазуритовых глазах Эйлем видела странно-знакомую печаль.

Леккеж, наказанная Анегмаром, была принуждена всегда оставаться в тени.

Эйлем долго разглядывала статую, а затем сорвала цветущую ветку жасмина и положила ее к ногам чародейки. Белоснежные цветы вспыхнули в полумраке лунным сиянием: это была всего лишь игра света, но Эйлем надеялась, что далекая Эрей, если она существует, передаст эту весть своей изгнаннице-сестре.

На закате, стоя в дворцовом саду у пламенеющей спатодеи, Эйлем говорила с начальником стражи. Он был ей знаком: когда-то давно он пришел по приказу отца из Теджрита на помощь Кахиту. Она видела его сухое смуглое лицо в лучах закатного солнца, огневыми бликами играющего на

доспехах, слушала сдержанные ответы, и чувствовала в его низком голосе решимость и смелость. Он был той нитью, что соединяла Эйлем с родной страной, отцом и прежней жизнью, он оставался верным соратником, почтительным и строгим, а она в мыслях звала его другом, и ей иногда так хотелось к нему прикоснуться.

Похожая на призрак в роскошных одеждах, она шла через сад, полный журчания фонтанов и птичьего пения, думая о Кахите, который не должен был пережить грядущей ночи, и о том, что есть поступки, которые Девять Матерей не прощают.

Она знала, что в эту ночь Кахит пойдет в покои своей сестры. Она ничего не рассказала подруге о заговоре, и в назначенный час сама вошла туда, увидев то, что не хотела бы видеть. Подоспевшие верные ей люди закололи Кахита, жестоко и быстро, не проронив ни слова, и Зеррен, растерянная, заплаканная, забрызганная кровью, сидела среди покрывал, боясь пошевелиться. Эйлем не посмела взглянуть на нее и скоро ушла: только звякнули украшения, да над запахом пролитой крови на мгновение вспыхнул густой аромат пачули и амбры.

Сломить сторонников Кахита оказалось нетрудно, а защита Теджрита позволила избежать войны с Караром. Эйлем понимала, что мир остается шатким, но не побоялась взять

власть в свои руки, отказавшись и от отцовских ставленников, и от нового замужества.

Когда-то люди, прежде видевшие ее с Кахитом, но почти ничего не знавшие о ней, наделили Эйлем всеми качествами, которых им так не хватало в своем правителе. Они говорили, что она мудра, добра и милосердна, что она вернейшая из последовательниц Девяти Матерей, что без нее было бы хуже, и только она сдерживает необузданный нрав Кахита и не позволяет ему отдать Энгерек во власть приверженцев Анегмара и Карара.

Теперь весь Энгерек принадлежал ей. Дети ее покойного супруга, рожденные от наложниц, пропали во время новой смуты, и Эйлем хорошо знала, что с ними стало. Зеррен, как предписывал закон, она отправила в другой город, где та поселилась в одном из дворцов, и никто не смел упоминуть о ее бесчестии. Горько было провожать ее в дорогу, тяжело было смотреть в эти золотистые глаза, и невыносимо – думать о возрождении прежней дружбы. Эйлем так и не решилась с нею заговорить. Ее иссохшее сердце, напитавшееся кровью убитого мужа, теперь билось иначе, и в нем было слишком мало места для нежных чувств.

Окруженная сторонниками, Эйлем правила долго, и в ее царстве жилось не хуже, чем прежде. Говорили о ней много, и злые слухи часто чернили ее образ. В ней были и мудрость, и жестокость, и сила, какой прежде не находилось ни в одном из правителей Энгерека. Эйлем умерла бездетной, оставив

власть одному из многочисленных племянников.

Перед смертью она завещала посадить на своей могиле цветы синие, как морские бездны, о которых рассказывали мореплаватели, синие, как сапфиры, поблескивавшие на тюбране её отца, синие, как одежды вечности, синие, как печаль Леккеж.

Ее воля не была исполнена. Эйлем упокоилась в роскошной белокаменной усыпальнице, погребенная в золотой маске и лучших своих украшениях. Среди мертвого холодного камня не было место ничему живому: только тонкий цветочный узор бежал по мрамору, угловатый, геометричный, далекий от безупречного несовершенства природы.
